

**Пустынница Анастасія Семенова Логачева,
впослѣдствіи монахиня Аѳанасія *).**

(Память 12-го февраля).

Подвижница Анастасія родилась въ 1809 году, 16-го декабря въ селѣ Кудлей, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской епархіи, отъ крестьянъ Семена Васильева и жены его Мавры

---

* „Душеполезное Чтеніе“ 1902 года.

Пустынница Анастасія (Монахиня Атанасія)

Логачевыхъ. До 8-лѣтнаго возраста она отличалась отъ своихъ сверстницъ только тихостью своего характера; но съ восьмилѣтнаго возраста въ ней стало проявляться сильное стремление къ молитвѣ и уединенной жизни. Отецъ ея отданъ былъ въ военную службу; онъ потребовалъ къ себѣ и жену, которая съ меньшою другою ея дочерью отправилась къ нему, оставивъ свою Настю на попеченіе свекра, свекрови и братьевъ мужа. Безъ отца и матери, при другихъ дѣтяхъ дядиныхъ, Настя была какъ-бы чужая: всякой ребенокъ льнуль къ своей матери, а ей не къ кому было прибѣгнуть. Мать, какъ богобоязненная женщина, при разлукѣ съ дочерью, убѣждала ее, чтобы она не плакала, а молилась Богородицѣ, поручая ее покрову Богоматери и утѣшая тѣмъ, что она скоро вернется домой и съ отцомъ. Дѣвочка поняла тягость разлуки съ родною матерью, а равно и ея наставленія. Когда ей бывало грустно, тяжело, она заберется въ скотную избушку, стоявшую на дворѣ, и начнетъ молиться Владычицѣ Богородицѣ со слезами и до того наплачется, что тутъ же на голомъ полу и заснетъ. За безвѣстную отлучку получала она выговоры, брань, а иногда и побои.

Съ двѣнадцатилѣтнаго возраста она начала избѣгать участія съ подругами въ играхъ, отказалась отъ всякихъ нарядовъ, оставила самая невинныя удовольствія и увеселенія и стала уходить въ лѣсъ къ своему родному дѣду Василию Логинову Логачеву на пчельникъ. Убѣгая по оврагу вверхъ сажень на 200 и болѣе отъ пчельника, она облюбовала мѣстечко, гдѣ намѣревалась приготовить себѣ уединенное жилище, стараясь косаремъ, который она уносила изъ дома, вырыть въ горѣ пещерку. Попытка эта спачала оставалась напрасна. Оставаясь на пчельникѣ у дѣда своего на недѣлю и болѣе, она пріучала себя къ посту, отказываясь отъ обѣда, ужина, утолила свой голодъ ягодами, дыгилемъ, дикимъ лукомъ, избѣгая вареной пищи.

Слыши о высокоподвижнической жизни отца Серафима Са-

ровского и о томъ, что онъ никому не отказываетъ въ руководственныхъ совѣтахъ въ дѣлѣ спасенія, отправилась къ нему и Анастасія, чтобы испросить у него благословенія на пустыножительство, когда еще ей было около 17 лѣтъ. Старецъ Серафимъ, окруженный толпою народа, пришедшаго изъ разныхъ мѣсть, обратился прежде всѣхъ къ Анастасіи, стоявшей позади толпы, съ робостью и вмѣсть съ страхомъ смотрѣвшей на святаго старца, и сказалъ: «поди ты сюда, Анастасія.» Подошедши къ нему, испросивъ у него благословеніе, она какъ бы онѣмѣла и по робости ничего не сказала; самъ отецъ Серафимъ предупредилъ ее, сказавъ: «чемъ ты думаешьъ, чего желаешьъ, благословить тебя Царица Небесная, но не пришло еще время». Съ этими только словами и отпустилъ ее. Чрезъ нѣкоторое время Анастасія Семенова вторично пришла къ отцу Серафиму съ тою же звѣтною мыслю о пустыножительствѣ. Па сей разъ онъ далъ ей совѣтъ сходить въ Киевъ на поклоненіе святымъ Угодникамъ Божиимъ и просить тамъ чрезъ нихъ благословенія на такое трудное дѣло. Во время этого путешествія въ Киевъ она между прочимъ научилась грамотѣ.

Незадолго до кончины отца Серафима, Анастасія Семеновна въ третій и послѣдній разъ явилась къ нему за благословеніемъ на уединеніе въ лѣсу жительство. На сей разъ онъ благословилъ ее поселиться тамъ, гдѣ она запахъ курящагося ладона, и носить вериги для усмиренія плотскихъ похотей,—въ то время уже было ей около 23 лѣтъ. По между послѣднимъ свиданіемъ ея съ отцемъ Серафимомъ и окончательнымъ переселеніемъ въ лѣсное безвыходное пустыножительство былъ не малый промежутокъ времени. Когда она уже стала извѣстна, какъ молитвенница и подвижница,—прошло 17 лѣтъ, когда ей было отъ роду 41 годъ. Всего вѣроятнѣе случилось это потому, что отецъ Серафимъ не давалъ совѣтовъ оставлять безъ помощи престарѣлыхъ родителей, которые жили въ это время по-

келлійному и за старостю трудиться не могли. Для обеспечения въ жизни родителей и себя, Анастасія занималась чтениемъ Псалтыри по усопшимъ, прядениемъ, полевыми работами. По смерти родителей, у нея еще былъ избытокъ и отъ такихъ трудовъ, такъ что она могла удѣлить и другимъ: она отличалась полною нестяжательностью. лично для нея требовалось немного: одежду она носила самую простую, многозаплатанную; питалась часто зернами гороха, ржи, иногда квасною грушеною и квашенною капустою, избѣгая вареной пищи. Въ это время нападали на нее особенно бѣсы; они являлись ей въ различныхъ образахъ, чтобы устрашить ее и отвлечь отъ молитвенного подвига, лишить благодатного настроения, увлечь въ мірскую жизнь. Но, укрепляемая Божією благодатию, пустынница побѣждала всѣ ихъ козни.

Въ это время ходила Анастасія въ Муромъ на поклонение святымъ мощамъ, съ двумя односельскими девицами. Была она тамъ, между прочимъ, у известного въ то время прозорливаго старца Антонія, который совѣтовалъ ей еще разъ сходить въ Киево-Печерскую лавру на поклонение святымъ мощамъ... Такъ проводила время «Настасьюшка»...

Во избѣжаніе особаго почитанія и прославленія, она вознамѣрилась уже навсегда поселиться вдали отъ людей въ лѣсу, въ пещерѣ, куда иногда удалялась временно, въ томъ самомъ мѣстѣ, где обоняла запахъ ладона, по предреченію отца Серафима, и где она, будучи еще малолѣткомъ, косаремъ копала себѣ пещерку, на урочищѣ, именуемомъ «Куриха», въ 12 верстахъ отъ села Кудлей; по прошествіи больше тридцати лѣтъ со времени ся удаленія отсюда, устроется здѣсь женская община. Землянки, которыхъ было три, Анастасія устроила такъ: выкальвалаась въ горѣ яма по размѣру; туда опускался срубъ деревянный съ дверью, около которой пебольшой коридорчикъ; изъ него устроился самый узкий выходъ подъ гору (какъ только можно проползти человѣку)—аршина въ три и четыре длиною. Такъ

устроились пещерки по причинѣ песчанаго грунта земли. Въ первой пещеркѣ она проводила время никѣмъ не знаемая: посѣщали ее только двѣ сиротныя дѣвицы Анина жева изъ деревни Кавлѣй и Параскева изъ деревни Березовки. Эти дѣвицы доставляли ей необходимое и помогали въ устроеніи самой пещерки. Здѣсь то она свободно предавалась молитвеннымъ подвигамъ, боролась съ невидимыми врагами, которые не оставляли ея въ покоѣ, воздвигая потоки неспотребныхъ по-мысловъ; но, при помощи Божіей, слезною молитвою, постомъ, частыми болѣнопреклоненіями она побѣждала всѣхъ козни. Недалеко отъ землянки было устроено погребъ и огородъ въ нѣсколько грядъ, на которыхъ отшельница сажала лукъ, огурцы, капусту и картофель чѣмъ и питалась она. Въ этой работе ей помогали и обѣ подруги—двѣ дѣвицы. Нерѣдко около ея землянки появлялись лѣсные звѣри. Днемъ устраивались гряды, а почью медвѣдь всѣ гряды перепортить. Нѣсколько разъ такъ было. Однажды, послѣ молитвы Наастасіюшка вмѣстѣ съ дѣвушкой вышли изъ келліи къ грядамъ—вечеромъ; медвѣдь подходилъ уже къ грядамъ; но она взяла палку, постучала ею въ землю, приговаривая: «медвѣдь, а медвѣдь! мы тебя не трогаемъ, и ты насъ не трогай». Медвѣдь повернулся въ сторону, скрылся и уже никогда ихъ не безшоколъ. Изъ своего уединенія Анастасія изрѣдка навѣщала своихъ родныхъ, жившихъ въ селѣ поблизости, приходила всегда почью и уходила въ ту же ночь, пробывъ у нихъ часа два или три, чтобы никто ея не видаль, не сошлись бы посторонніе изъ любопытства,—приходила по большей части именно тогда, когда что-нибудь недобroe происходило въ семье, и всегда убѣждала родныхъ жить по-Божьему.

Кудлеевскій крестьянинъ, по имени Давидъ, блуждавшій однажды по лѣсу, идя вдоль ручья Бурихи, пораженъ былъ необыкновеннымъ явленіемъ,—стоить женщина среди разваленной муравьиной кучки, уизанная съ ногъ до головы муравьями и множествомъ оводовъ (день былъ жаркій); кровь

струилась по ей тѣлу. Въ изумлениі остановился Давидъ на томъ мѣстѣ, съ которого увидалъ ее; это — Настасьюшка. «Добрый мужъ, сказала она ему, ты узналъ меня, заклинаю тебя Богомъ, молчи, о мѣстѣ моего жительства никому не объявляй, пока я сама не открою, или какъ Богъ о семъ промыслить».

Недолго скрывалась, однако, отъ людей подвижница Анастасія. Стали приходить къ ней изъ окрестныхъ селеній жители, просить о себѣ святыхъ ея молитвъ, совѣтовъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, а нѣкоторые поучиться, какъ спасаться и молиться. Никого не отпускала она безъ доброго слова, безъ назиданія, вразумленія, не утоливши голода или жажды посѣтителей. Трудно было для нея принимать посѣтителей въ первой землянкѣ, такъ какъ она была очень мала; посему она озабочилась въ 15 саженяхъ отъ первой ископать другую пещеру болѣе просторную съ коридоромъ, а рядомъ съ нею малую землянку, въ которой могла она одна помѣститься для молитвы. Новая землянка была устроена съ тремя малыми, въ 6 вершковъ квадратныхъ, окнами, съ русской печью и лавками, чтобы можно было посѣтителямъ не только отдохнуть, а и почевать.

Анастасія никогда не говорила праздныхъ шутливыхъ словъ; походка ея была скромная, лицо чисто ангельское, всегда слегка улыбавшееся; кашала она одинъ разъ въ день къ вечеру, и то весьма мало; пища ея была самая суровая. Правило ея белейшее было самое продолжительное съ акаѳистами, молитвою Иисусовою, Пресвятой Богородицѣ, какъ исполняется въ Саровской пустыни. Ляжемъ спать, — рассказывала Параскева, — въ одно время, но проснусь я, а она стоитъ или молится, или читаетъ св. Евангелие, которое она читала каждодневно, прочитывая по Евангелисту. Если оставались на ночлегъ посторонние, то она удалялась въ малую землянку и тамъ совершила свое правило.

Анастасіи пустынницѣ думалось, что всѣ ея подвиги малы

и незначительны. Она предприняла сорокадневный постъ и неподвижное стояніе на камнѣ, который въ настоящее время находится не въ дальнемъ разстояніи отъ Курихи, примерно въ $\frac{3}{4}$ версты. Съ помощью Божію она преодолѣвала всѣ трудности своего подвига, но за эти подвиги не оставляя ея въ покой исконный врагъ рода человѣческаго, дьяволъ; онъ злобствовалъ на то, что былъ побѣждаемъ и пизлагаемъ простою самоучкою въ подвигахъ благочестія, крестьянскою девицю. Появлялись около ея землянки-келліи лѣсные звѣри со страшнымъ ревомъ, готовые разломать келлію и ее пожрать; иногда представлялась вся келлія въ пламени: иногда подходило къ келліи много народа съ намѣреніемъ раскидать ее по бревнушку. Съ помощью Божію она не поколебалась, не устрашалась и не возмущалась отъ такихъ явленій вражіихъ: исчезали и разсѣвались тѣ видѣнія и страхованія отъ крестнаго знаменія съ молитвою Іисусу и Пресвятой Богородицѣ. Было и такое обстоятельство: пришли къ ней цыганки, какъ бы попросить ея совѣтовъ; но подвижница уразумѣла, кто были эти цыганки, такъ какъ они вошли и не положили на себя крестнаго знаменія, и сказала имъ: прежде прочитаемъ молитву Господню.—Мы не знаемъ молитвы,—отвѣтили онѣ. Говорите за мною, и начала читать: Отче нашъ и проч.; какъ договорила до словъ «и избави насъ отъ лукаваго», то эти цыганки съ стремительностью бросились въ дверь, въ коридорчикъ попадали одна на другую и исчезли съ великимъ шумомъ.

Когда Анастасія Семеновна поселилась во второй своей землянкѣ, то ей желательно было имѣть вблизи колодезь, чтобы не сходить подъ гору за водою къ ручью и не восходить на гору къ колодцу у первой землянки. Однажды она вышла и стала совѣщаться съ благочестивою Маріею Гавrilovною, гдѣ бы покопать, чтобы открыть источникъ воды. По совѣтѣ Анастасія вошла въ келлію, а Марія Гавrilовна, эта Марія извѣстна была въ Ардатовскомъ женскомъ мона-

стырь подъ именемъ схимпизы Маріи Гавриловны; жизнь ея во многихъ отношеніяхъ замѣчательна; изреченія ея и наставленія долго переходили отъ одного къ другому, какъ руководственная въ жизни при извѣстныхъ обстоятельствахъ, оставалась еще на томъ мѣстѣ, гдѣ держали совѣтъ. И вотъ видѣть она предъ собою благообразную монахиню въ мантіи у одной ели. Монахиня спросила ее: «что вы хотите тутъ дѣлать?» Ищемъ родниковой воды. «Здѣсь будетъ вода, сказала она, дай мнѣ заступъ». Марія Гавриловна имѣла въ рукахъ тяпку, которую и подала ей. Она, принявши тяпку, начертала ею крестъ на землѣ три раза, потомъ три раза коннула, и заструилась вода. Марія засмотрѣлась на воду, а монахиня скрылась. Ей думалось, что къ нимъ зашла какая-либо гостья, входитъ въ келлію и спрашивается: а гдѣ же гостья то? Никакой гостьи не было. Послѣ малаго времени, проведеннаго Анастасіей Семеновной въ монастырь, ей было откровеніе, что въ образѣ монахини являлась Богоматерь. Елка, около которой стояла Богоматерь, потомъ вырасла и въ ней былъ помѣщенъ, по преданію, Анастасіею, образъ Святителя и Чудотворца Николая, иконоискусный, который отъ времени таکъ обветшалъ, что оставался въ цѣлости одинъ ликъ его,—и заплывалъ въ елкѣ со всѣхъ сторонъ отъ ея утолщенія.

Однажды Анастасія Семеновна возвращалась въ ночное время осенью изъ Кудлей. Проходя лѣсомъ отъ деревни Кавлей, она озарена была сверху свѣтомъ и, осмотрѣвшись, увидала на воздухѣ пятиглавый храмъ, который предшествовалъ ей, и въ недалекомъ разстояніи отъ ея келліи-землянки исчезъ,—именно надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ гдѣ въ настоящее время и на самомъ дѣлѣ стоитъ деревянный пятиглавый храмъ.

Въ другое время было ей такое видѣніе. Она стояла въ своей келліи и видѣть: Іоаннъ Креститель и Симеонъ Богопріимецъ несутъ большой деревянный крестъ за среднюю

поперечину; за ними слѣдоваль о. Серафимъ Саровскій. Дошли до того мѣста, гдѣ теперь стоитъ храмъ, всѣ они остановились и сказали: «здѣсь долженъ быть храмъ», а сами стали разматривать мѣстность и показывать, гдѣ должны быть построены кориуса для жилища монахинь. Тѣмъ закончилось видѣніе.

Укрѣшившись въ подвигахъ благочестія, всегда ограждаемая страхомъ Божіимъ, Анастасія не только принимала къ себѣ приходящихъ, а иногда и сама навѣщала нѣкоторыхъ богоомольцевъ. Изъ своего затвора она каждогодно отправлялась Великимъ постомъ въ Ардатовскій женскій монастырь, гдѣ въ то время исповѣдалась и пріобщалась Святыхъ Христовыхъ Таинъ; иногда тамъ же она проводила и недѣлю Свѣтлаго Христова Воскресенія. Ее такъ полюбила начальница монастыря, мать Серафима, что и сама ее павѣщала въ ея землянкѣ, иногда и со священникомъ, въ лѣтнее время съ своими пѣвчими, гдѣ совершали богослуженіе, а иногда о. Іоаннъ по исповѣди пріобщалъ ее и святыхъ Христовыхъ Таинъ. Такъ однажды, по словамъ монахини Алевтины, бывшей въ то время пѣвчую въ хору, они изъ деревни Кавлей пришли на Куриху пѣшкомъ, и батюшка съ ними былъ; келлія-землянка не замкнута, хозяйки нѣть. Мало повременили, и вотъ идетъ Анастасія изъ лѣсу почти до пояса мокрая съ ягодами. Священникъ ей сказалъ: вотъ я принесъ съ собою святые Христовы Таины, чтобы тебя пріобщить, а ты должно быть не готова къ сему великому таинству. Нѣтъ, батюшка, я приготовилась и готовлюсь, а для васъ гостей нарвала ягодъ. Это было часовъ въ 10 утра. О прибытии же ихъ она не была предупреждена-предварена. Однажды Анастасія была у игуменіи, матушки Серафимы; послѣдня спросила ее: какъ ты не боишся жить въ такомъ уединенномъ и пустынномъ мѣстѣ?—Что мнѣ бояться?—А звѣрей? А враговъ демоновъ?—Что они мнѣ сдѣлаютъ? Развѣ они сильнѣе Иисуса Христа Господа или Его Пречистой Матери?

Я объ этомъ нынѣ уже и не думаю. — Такъ въ ней окрѣпла вѣра въ помошь Божію! Ранѣе же она говорила: «какъ трудно сидѣть покойно нагому въ муравьиной кочкѣ, такъ трудно жить и въ уединеніи».

Посѣтители съ своими духовными нуждами являлись къ Анастасії Семеновнѣ часто. Такъ какъ чрезъ это она отвлекаєма была отъ молитвы, то она вознамѣрилась устроить отдѣльную для себя землянку, въ 40 саженяхъ отъ той, въ которой жили ея ученицы: Пелагія, Любовь и Павла. Лѣсь для сруба, который нужно было опускать въ землю, отшельницы носили на себѣ, а тяжелыя деревья приволакивали веревками по землѣ. Во вновь ископанную землянку въ 2 аршина ширины, три аршина длины, Анастасія стала часто уединяться, и свидѣтелемъ ея молитвенныхъ подвиговъ быль только Богъ.

Желающихъ съ Наастасьюшкой пожить и поучиться доброй и благочестивой жизни явилось не мало; но обитать въ землянкѣ при суровой пищѣ желавше не могли, да и землянка была тѣсна—аршинъ шести квадратныхъ внутри; посему они удалялись отъ нея или въ монастырь какой-либо, или же возвращались въ свои дома. По сей то причинѣ, чтобы устроить удобное помѣщеніе для желающихъ съ нею пожить, а равно и для приходящихъ, Анастасія вознамѣрилась поставить надъ среднею землянкою домикъ, для чего заготовленъ быль и лѣсь. Ей сказали, что въ Удѣльномъ лѣсу строить дома безъ разрѣшенія начальства невозможно. Посему то, по совѣту опытныхъ людей, она подала прошеніе по начальству Удѣльного вѣдомства объ отводѣ Удѣльной земли для устройства общины. Прошеніе вернули въ мѣстное волостное правленіе, съ предписаніемъ: учинить по сему дознаніе какъ о просительницаѣ, ея жизни, такъ и о мѣстѣ еи жительства.

Волостной старшина, прибывъ въ село Кудлей, на мѣрской сходкѣ высказалъ мнѣніе, что если построится на Курихъ

монастырь, то лѣсъ отойдетъ къ монастырю, а съ нимъ и вѣсъ угодья: луга, пчелиныя пасѣнки и проч. Согласно мнѣнію старшины, крестьяне дали такой отзывъ объ Анастасіи, что она не можетъ устроить общину, таѣтъ какъ часто бываетъ не въ своемъ умѣ. По такому отзыву крестьянъ, утвержденному приказомъ, послѣдовало распоряженіе выслать съ Курихи Логачеву Анастасію. Волостной старшина, прибывши на Куриху, самъ сталъ раскидывать ея жилище, но она покойно смотрѣла на сіи дѣйствія. Нарвавши луку, она сказала старшинѣ: «Алексѣй Емельяновичъ! ты усталъ, времена уже не мало, иди, я приготовлю позавтракать». — Я не завтракать сюда прибылъ, а тебя отсюда выгнать, быль его отвѣтъ. — Такъ что же? Закусимъ, да и пойдемъ, — и я съ вами. Уходя съ Курихи Семеновна заплакала и сказала: «хотя меня отсюда и изгоняютъ, но сіе мѣсто не будетъ забыто Богомъ».

Это происходило въ 1855 году; съ этого же времени Анастасія была причислена къ Ардатовскому Покровскому женскому монастырю, съ которымъ издавна имѣла сношеніе. Съ Курихи Анастасія переселилась на свою родину въ село Кудлей, где въ построенной недалеко отъ храма келліи проживала некоторое время. Въ подпольѣ своей келліи она вырыла могилу, куда поставила гробъ, въ который и сходила для молитвы съ памятію о смерти, никѣмъ и ничѣмъ не развлекаясь. А чтобы ее никто не беспокоилъ, прибѣгала къ такому средству: разгласить по селу, что уходить на богомолье; затворить окна; изъ виѣ замкнуть дверь; таѣ и и остается въ келліи, и живеть, какъ въ пустынѣ. Въ это время она предприняла молитvenный подвигъ за своего родного брата Павла, въ пьянотѣ видѣ удавившагося. Пошла первоначально къ Целагеѣ Ивановиѣ блаженной, жившей въ Дивѣевскомъ монастырѣ, посовѣтоваться, что бы ей сдѣлать для облегченія загробной участіи своего брата, несчастно и нечестиво окончившаго свою земную жизнь. На совѣтѣ

рѣшено было такъ: затвориться Анастасіи въ своей келліи, поститься и молиться за него, каждодневно прочитывать по 150 разъ молитву: Богородице, Дѣво, радуйся... По истечениіи сорока дней, она увидала глубокую пропасть, на днѣ которой лежалъ какъ бы кровавый камень, а на немъ лежали два человѣка съ желѣзными цѣпями на шеѣ и изъ нихъ одинъ былъ ея братъ. Когда она сообщила о семъ видѣніи блаженной Пелагіи, то послѣдняя посовѣтовала ей повторить подвигъ. По истечениіи вторично 40 дней, она увидала ту же пропасть, тотъ же камень, на которомъ были тѣ же два лица съ цѣпями на шеѣ, но только ея братъ всталъ, походилъ около камня, опять упалъ на камень, и цѣпь оказалась на шеѣ его. По передачѣ сего видѣнія Пелагіи Ивановиѣ, послѣдняя совѣтовала въ третій разъ понести тотъ же подвигъ. Чрезъ 40 новыхъ дней Анастасія увидала ту же пропасть и тотъ же камень, на которомъ находился уже только одинъ неизвѣстный ей человѣкъ, а братъ ея уходилъ отъ камня и скрылся; оставшійся на камнѣ вслѣдъ говорилъ: «хорошо тебѣ, у тебя есть на землѣ сильные молитвенники». Послѣ сего блаженная Пелагія сказала: «твой братъ освободился отъ мученія, но не получилъ блаженства».

Проживши въ своей Кудлеевской келліи нѣсколько времени, Анастасія вознамѣрилась отправиться на богомолье въ старый Іерусалимъ. Это было ея завѣтнымъ желаніемъ. Предъ этимъ временемъ она путешествовала въ С.-Петербургъ съ 1 декабря до Фоминой недѣли. На путешествіе въ Іерусалимъ она употребила 9 мѣсяцевъ. По прибытии изъ Іерусалима она отправилась въ свою любимую Куриху пожить; по скоро опять была изгнана. Послѣ сего она отправилась на жительство въ Ардатовскій монастырь; келлія Кудлеевская была снесена; при разборкѣ ея могилу подъ поломъ, а въ онай гробъ, засыпало обвалившимся землею; по ея желанію гробъ оставленъ въ сей могилѣ. Мѣсто сіе обозначено часовенкою.

Въ монастырѣ, до постройки своей келліи, Анастасія про-

живала подъ колокольнею; а по переселеніи въ свою келлю проживала тутъ искрення ея по духовно-нравственной жизни подруга, Марія Гавриловна, прославившаяся духомъ прозорливости и совѣтомъ.

Схимонахиня Марія къ концу своей жизни ослѣпла; принимала она самое живое участіе въ основаніи обители на Курихъ чрезъ Н. В. Карамзину. Г-жа Карамзина, вслѣдствіе какихъ то недоразумѣній, по смерти игуменіи Серафимы, у Маріи съ новоизбранною игуменію, перевезла схимонахиню въ Ковылявскій Троицкій женскій монастырь Пензенской губерн., Краснослободского уѣзда. Схимонахиня Марія крестьянину с. Кудлеи Василію Андрееву, пользовавшемуся отъ нея наставленіями, посыпавшему ее и въ Ковыл. мон. сказала: «ты, Вася, пріѣзжай ко мнѣ поскорѣе послѣ Крещенія, да привози болѣе свѣчъ». «На что это матушка?» «Нужно, привози». Пріѣхавши въ Ковыляи въ назначенное время, онъ узналъ, что схимонахиню Марію соборовали; при немъ 17 числа января она и скончалась, при чмъ потребовалось много свѣчъ, потому что къ ея погребенію стеклось много народа.

Здѣсь въ монастырѣ Анастасія Семеновна жила, отличаясь полною нестяжательностью, и отдавала послѣднія крохи маленькимъ дѣвицамъ, жившимъ монастырѣ. Росту она была немного больше средняго, лицо было моложавое, весьма пріятное, всегда какъ бы улыбающееся, благодатное.

Сюда однажды къ ней пришли иѣсколько дѣвицъ изъ неофиціальной общины въ селѣ Ризидѣевѣ, Ардатовскаго уѣзда, и рассказали объ обидахъ, причиненныхъ имъ старшиною Алексѣемъ Емельяновымъ, который удалилъ ихъ изъ прежняго мѣстожительства, бывшаго около храма, на острровъ. Анастасія имъ довольно загадочно сказала: «приходите ко мнѣ жить». Келлійка у ней была небольшая. Куда приходить жить къ ней,—дѣвицы не осмѣлились уже переспросить. Когда сей старшина изгонялъ ее изъ Курихи,—она приглашала его позавтракать; а когда услыхала обиды дру-

гимъ, то воть что изрекла: «Алексѣю Емельянову добра не будетъ за притѣсненіе». И дѣйствительно, онъ пропалъ впослѣдствіи неизвѣстно куда, опасаясь кары законной за какіе-то расходы.

Игуменія Серафима, уважая Семеновну за ея подвижническую жизнь и молитвенную помощь обращающимся къ ней въ своихъ нуждахъ, дала ей послушницу, горбатую дѣвицу Вѣру. Оказалось, что сія дѣвица была очень своенравна и упрямая, старалась дѣлать не такъ, какъ должно, какъ просила Анастасія Семеновна, а иногда и совсѣмъ неприлично.

Умѣвшая побѣждать всѣ трудности пустынной жизни, и козни невидимыхъ враговъ, однако, и сама Анастасія поддалась искушению: изъ усть си излилась предъ Богомъ грѣшная молитва противу упрямой Вѣры. Она просила Господа Бога, чтобы Онъ, вразумивши за продерзости Вѣры, избавилъ ее отъ сей послушницы. Сама, какъ новопришедшая, о перемѣнѣ послушницы она просить игуменію не имѣла смѣлости, а также и принести на нее жалобу начальницѣ. Во время таковой ея молитвы является ей Архангель Михаилъ, грозный съ пламеннымъ мечемъ, говоря: «развѣ такъ молится Богу любви и мира?» Въ страшномъ волненіи и испугѣ она только и могла произнести: «Батюшка! Архангель Михаилъ! не буду, пощади». Видѣла, какъ она стасть удаляться отъ нея и запѣть: «Слава въ вышихъ Богу, и на земли миръ». Затѣмъ видала она въ безпамятство и такъ сильно заболѣла, что не было никакой надежды на ея выздоровленіе. Узнавши о болѣзни Анастасіи, Параскева Котова поспѣшила навѣстить ее. Пришедши вечеромъ, остановилась у входной двери, откуда ей было хорошо видно больную, которую въ сіе время окружали монахини, а съ ними и матушка игуменія. Увидавши Котову, Анастасія дала ей знать, чтобы она подошла къ ней, — по желанію ся Котову одну оставили на ночь предъ ней. Оставшись наединѣ съ Котовой, она и передала ей о своей грѣшной молитвѣ и явленіи Архангела

Михаила. Послѣдній поступокъ Вѣры, вынудившій Анастасію на такую молитву, состоялъ въ томъ, что она зашла съ корытомъ стирать черное бѣлье въ томъ углу, гдѣ стояли святые иконы и гдѣ обыкновенно совершала Анастасія свои молитвы. Объ немъ знали только схимонахиня Марія и Котова. Вѣру послушницу, изъ-за которой Анастасія едва не лишилась благоволенія Божія, она взяла съ собой въ Томскую губернію.

Оправившись отъ болѣзни, но еще сильно сокрушаясь о своемъ прегрѣшениіи, Анастасія, по словамъ Котовой, усугубила пость и молитву, и особенно стала просить и умолять Царицу Небесную Пресвятую Богородицу, къ Которой всегда издѣлства въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни прибѣгала, чтобы Она какимъ-либо знаменіемъ дала ей знать, что прощаетъ ей сей грѣхъ. Усердная и пламенная ея молитва была услышана. Во время всепоющаго бдѣнія вдругъ она увидѣла предъ собою необыкновенный свѣтъ и, взглянувши вверхъ, увидѣла Божію Матерь, стоящую на воздухѣ въ молитвенномъ положеніи съ распостертыми руками, какъ изображается Она на иконѣ Покрова, но безъ омофора на Ея рукахъ. «Ахъ! Матушка, Царица небесная!» — въ простотѣ сердечной воскликнула Анастасія. «Что съ тобою, матушка?» — спросили ее подошедшая монашки. «Забылась, отвѣтила она, вздрогнула». Видѣніе кончилось, и Семеновна послѣ сего успокоилась.

Въ 1863 году, вслѣдствіе распоряженія Нижегородскаго Епархиальнаго Начальства, именитый купецъ Сергій Петровичъ Петровъ перевезъ Анастасію Семеновну изъ Ардатовскаго Покровскаго женскаго монастыря въ новоустроемый Николаевскій женскій монастырь близъ Улалы, Бійскаго уѣзда, Томской губерніи, и за этотъ годъ она уже не значится вписанною въ книгахъ монастыря Ардатовскаго. Предъ своимъ отѣздомъ она просила своихъ родныхъ и (знакомыхъ) близкихъ ей, чтобы сохранили святой колодезь на Курихѣ, пи-

сала о семь и изъ Сибири, напоминая, что тамъ нѣкогда устроится монастырь. Томскій Преосвященный, прѣѣхавшій на открытие Николаевскаго женскаго монастыря, что на Улалѣ, самъ совершилъ надъ Анастасію постриженіе въ великий Ангельскій монашескій чинъ, привезъ ей готовую сшитую мантію, наименовавъ ее Аѳанасію. Начальницею сего монастыря она пробыла около 5 лѣтъ, а всего прожила тамъ немногіе болѣе 11 лѣтъ. Къ концу своей жизни она являла въ себѣ дѣтскую простоту и незлобіе, — за все воздавала благодареніе Господу Богу и, полагая на себѣ крестное знаменіе, говорила: «иу и слава Тебѣ, Господи», хотя бы говорили для нея обидное. Будучи начальницей монастыря, она вела самый простой образъ жизни, одежду носила самую бѣдную, и не оставляла того рукодѣлія, которымъ здѣсь занималась.

Кто отрекомендовалъ Анастасію въ начальницы Николаевскаго Томскаго монастыря, — обѣ этомъ неизвѣстно. Преданіе гласить, что она взята туда въ начальницы по рекомендациіи высокопоставленного лица, познакомившагося съ нею на пароходѣ по пути въ Іерусалимъ.

Предчувствуя свою кончину, монахиня Аѳанасія въ предсмертномъ своемъ письмѣ къ роднымъ, жившимъ въ селѣ Кудлеяхъ, между прочимъ писала о томъ, чтобы они не забывали ея по ея смерти въ своихъ молитвахъ, а равно и ея родителей, Симеона и Мавру, «какъ и я молилась о вашемъ спасеніи и упокоеніи вашихъ родителей». На отвѣтное письмо отъ родныхъ послѣдовало извѣстіе изъ монастыря, что монахиня Аѳанасія скончалась. Она скончалась въ 1875 году, имѣя отъ своего рожденія около шестидесяти шести лѣтъ.